

ЮЛИЯ ВАСИЛЬЕВА

УРОЖАЙ СОБРАТЬ НЕ ПРОСТО

Дилогия
2 часть

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
В19

Васильева, Ю.

В19 Урожай собрать не просто / Ю. Васильева. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 334 с.

ISBN 978-5-521-90270-5

Немного магии, немного психологии, щепотка шантажа, два стакана самоиронии и ложка оптимизма. Покрыть все толстым слоем смекалки, присыпать трудолюбием, украсить твердостью характера и выпекать на максимальном градусе терпения. Нет, это не рецепт пирога, а руководство по выращиванию сказочного урожая.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90270-5

© Васильева Ю., 2022
© Сопилка Б., оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ГЛАВА 1

Тонкости воспитания сельской молодежи

Я водила пальцем по стеклу, очерчивая контур печального дерева, растущего за окном. Открывавшаяся взору осенняя пастораль не радовала главным образом потому, что мне приходилось созерцать ее на протяжении всех первых семнадцати лет своей жизни. Любимая среди сельских жителей поговорка «что посеешь, то и пожнешь» как-то очень красочно показала себя в действии. Я помирилась с отцом, который, лелея мечты породниться с королевской семьей, бросил меня во дворце на время смотрин (причем на позиции как можно более близкой к монарху) — против суровости нашей семейной смекалки не попрешь. Но мне было сложно свыкнуться с тем, что, после того как король выбрал в невесты принцессу богатого государства, мой же родитель, так стремившийся пропихнуть дитя поближе к трону, поспешил убрать неудачницу-дочь подалеже от двора. То есть в деревню. Пусть дитя зачахнет от скуки, лишь бы не стало королевской фавориткой.

Увидев меня на пороге дома с сундуками, маменька несказанно обрадовалась. Я наивно предположила, что бурная радость вызвана долгожданной встречей. Расцеловав меня в обе щеки, леди Иветта с удовольствием отметила, как выросла

и повзрослела ее дочь. И опять же мне в голову не пришло, что причиной похвалы стала вовсе не материнская гордость, переполнявшая сердце родительницы.

Уже на следующее утро, едва продрав глаза, я услышала подозрительный шум внизу, а когда спустилась, оказалась в эпицентре кипучей деятельности: слуги вытаскивали из дома чемоданы и сундуки, пока матушка, уперев руки в полные бока, зычным голосом отдавала распоряжения. К тому моменту, когда я поняла, что дело принимает дурной оборот, леди Иветта, зажав под мышкой младшего сына Андрия — так, что бедняге не удавалось даже пищать, — уже грузилась вместе со своими вещами в карету:

— Николетта, дочка, я на тебя рассчитываю. Приглядывай за хозяйством и братьями. А я месяц-другой поживу с твоим отцом при дворе. Достала меня эта глушь.

— Но, мама... — Робкая попытка высказать хоть какой-то довод против ее отъезда была пресечена на корню: шустрая родительница хлопнула дверцей кареты прямо перед моим носом так, что с несчастного средства передвижения черной шелухой посыпался лак.

— Трогай! — От звенящего окрика лошади пошли раньше, чем кучер успел притронуться к поводьям. В оконце появилась белая ручка в дорожной перчатке и помахала мне на прощанье. — И не хулиганьте шибко!

Я в изнеможении прислонилась к перилам крыльца. Думаю, после такой выходки ни у кого не возникнет вопросов, что нашли друг в друге мои родители и в кого пошла их дочь. Если впоследствии еще выяснится, что тайной причиной отъезда моей матушки была вовсе не деревенская скука, а какая-то изощренная попытка выдать меня замуж — я сбегу из дома. Верьте, вот вам мое слово!

Наверху слышались возмущенные крики и шум. До меня доносились какие-то ругательства, произносимые срываю-

щимся юношеским голосом, среди которых слова «богохульник» и «еретик» практически ласкали слух. Признаюсь, слышала слова и похуже, но разве можно допустить, чтобы так ругались мои младшие братья? Глядишь, и до драки дойдет — раскошеливайся потом на доктора. Я со вздохом оторвалась от созерцания пейзажа за окном и пошла наверх исполнять свой сестринский долг.

В комнате на втором этаже собрались трое из моих братьев, причем компания оказалась весьма причудливой. Ивар — второй по старшинству и первый по количеству тараканов в голове: еще когда мы все боролись за томик сказок Злотоземья, он не расставался со сборником проповедей отцов церкви. С тех пор если что и изменилось, то только в худшую сторону. Следующий по старшинству Ефим — острослов, подлиза, а с недавних пор еще и неугомонный ловелас. Одиннадцатилетний Оська — выдумщик и шутник. Первый и третий яростно препирались из-за каких-то бумаг. Второй вставлял искрометные замечания.

— Скажи мне зачем? Зачем ты это сделал? — Ивар с трагедией в голосе тряс перед лицом Оськи исписанными листами. Сия трагедия была вызвана, скорее всего, тем, что религиозное смирение не позволяло пострадавшему как следует поколотить брата.

— Я же помочь хотел. — Младшенький сохранял невозмутимость и веру в собственную правоту. — Пишешь-пишешь, букв много, а картинок ни одной. Вот я и проиллюстрировал.

— И что это, по-твоему?! Что? — Ивар не только еще раз взмахнул перед носом Оськи страницами, которые, судя по всему, представляли собой конспекты теологических трактатов, но и не без злорадного удовольствия продемонстрировал их всем присутствующим.

В промежутке между текстом, там, где должна была красоваться какая-нибудь совершенно ненужная, но изящная

завитушка, втиснулась миниатюра, с усердием нарисованная сорванцом: один человек с размаху опускал камень на голову другому.

— Что ты тут проиллюстрировал?! — еще раз повторил вопрос хозяин конспекта, по-видимому, наслаждаясь недоумением на моем лице. Все присутствующие ждали ответа с живейшим интересом.

— Святой Лаврентий венчает голову своего ученика венком из лавра, — объяснил малец, словно перед ним был неуч.

— А это тогда, по-твоему, что? — Брат продемонстрировал следующий лист конспекта, но прежде чем очередь дошла до меня, Ефим подхватился с места и вырвал бумагу у Ивара из рук:

— Ты что, показывать такое незамужней сестре?!

Я удивленно приподняла брови. Иллюстрация с этой страницы моментально приобрела манящий ореол запретного плода. Интрига нарастала.

— А это святой Лаврентий наложением рук исцеляет жену своего соседа, прикованную к постели тяжким недугом, — еще более складно пояснил Оська и, сделав большие невинные глаза, посмотрел на брата, словно ожидая, что тот объяснит ему причину своего гнева.

Ивар опустил руки с конспектом, он был не в силах противостать наивности этого взгляда. К тому же брату изрядно льстило, что малец (не без его помощи) уже в таком возрасте был знаком с содержанием святых книг. Похоже, что только мы с Ефимом заметили проказливые искры в глазах Оски. Шутник прекрасно понимал, что и как он нарисовал.

Решив восстановить справедливость, а заодно упрочить положение старшей сестры после столь долгого отсутствия, я подошла к притворщику, схватила его за розовое ухо и вывела в коридор:

— Так, а теперь послушай меня, великий художник. Либо ты поможешь брату переписать конспекты, либо письмо с отчетом о твоём поведении отправится к родителям.

Оська притворно заикал, держась за ухо, а когда я его отпустила, со словами: «И зачем только женщин учат писать?» — скрылся в комнате.

Шалопай! Никакого уважения к старшим и радости от встречи с сестрой!

Хотя надо отметить, что жизнеописание святого Лаврентия в картинках Оськи получилось гораздо более занимательным, нежели в конспектах старшего брата. Но я бы не рискнула показать этот вариант жития нашему скромному церковнику.

До обеда, не желая и далее вступать в битвы своих братьев, я отправилась наносить визиты вежливости старым друзьям и знакомым. Чем загородная жизнь отличается от городской, так это прямо-таки экзекуторским вниманием к соблюдению приличий. И если вы хотя бы однажды забыли ответить на чью-либо записку или, не дай боги, не посетили званый обед — это вполне может обернуться тем, что ваших внуков будут упрекать в невоспитанности, усугубленной врожденным отсутствием такта. Поэтому на следующий же день после приезда, получив несколько приветственных записок, я была просто обязана обойти всех соседей и если не посидеть у каждого в гостинной несколько минут, восторгаясь изменениями в интерьере, которые произошли за время моего отсутствия, то хотя бы оставить на столике в прихожей свою карточку (на карточки, к слову, ежегодно уходил изрядный запас недешевого картона).

По счастью, соседей у нас не так уж много, поэтому, развив определенную скорость, можно было обернуться к обеду. К небольшому городку под странным названием «Кладезь»

(даже старожилы не могли объяснить, кладезем чего он являлся) примыкало не более пяти мелких имений (наше среди них) и всего одно крупное, принадлежащее старшему лорду Гордию. К лорду я конечно же идти не собиралась: достаточно оставить у привратника свою карточку, все равно все приветственные записки пишет секретарь, да и на порог меня в таких сапогах не пустят...

Я посмотрела вниз: деревенские дороги, как и всякие дороги, оставляли желать лучшего, а осенние дожди и вовсе превращали их в непролазную хлябь. Сельские барышни, не имевшие возможности всякий раз пользоваться экипажами, выходили из сложившегося положения с присущей им практичностью: под юбку надевались прорезиненные сапоги. Не раз можно было увидеть, как та или иная деревенская роза, в нерешительности застыв перед просторами разверзшейся грязи, оглядывалась со сноровкой заправского бандита, стоящего на стреме, а затем задирала юбки едва ли не до колен, демонстрируя черные мужские сапоги, и уверенно преодолевала препятствие вброд. Мои братья порой развлекались тем, что поджидали и пугали девушек своими внезапными криками, отчего те, утратив благоразумие, опускали подолы платьев прямо в лужу.

Была и у меня такая практичная обувь, но я достигла куда большей изобретательности и стала влезать в сапоги прямо в легких домашних туфлях и беззастенчиво подкалывать подол повыше. В прихожей первого же посещенного дома подобные махинации позволили мне под ошарашенными взглядами прислуги невозмутимо «выйти» из сапог, отколоть подол и двинуться прямо в гостиную, не утомляя себя и не смущая других нудной церемонией переодевания.

На выходе из гостиной мне встретился седоватый человек с круглыми глазами цвета незабудок, досадливо мывший в руках букетик поздних цветов — наш церковник.

— Доброе утро, отец Оврамий!

Представитель церкви остановился, похлопал глазами, как бы припоминая, кто я такая:

— А, леди Николетта, вы уже вернулись! Очень рад, не забывайте наведываться в церковь. Ваш брат Ивар, кстати, делает успехи: никогда еще у меня не было такого прилежного ученика.

Охотно верю! Я, конечно, не умаляю достоинств своего брата, но, к слову: до Ивара у священнослужителя учеников не было вовсе.

— Снова неудача? — сочувственно спросила я, бросив взгляд на погибающие в стиснутом кулачке церковника цветы.

— Снова, — подтвердил бедняга на редкость оптимистично. Дело в том, что с тех пор, как моей подруге Алисии минуло шестнадцать, отец Оврамий с периодичностью один раз в четыре месяца делал ей предложение руки и сердца, будто подозревал, что, для того чтобы предложение было принято, нужно лишь счастливое совпадение внешних обстоятельств, а не ответное чувство.

— Ну, может быть, в другой раз: солнце будет ярче, небо голубее, — не удержалась я от того, чтобы не поддеть соседа.

— Да-да, вы правы, наверное, все дело в этой хмурой погоде, — не понял шутки церковник. — Она была не в настроении из-за дождя.

...и неурожая брюквы в этом году. Пришлось прикрыть рукой улыбку. Просто поразительно, насколько ветреными порой считают мужчины своих избранниц.

Мы раскланялись.

Так, домик при церкви можно вычеркнуть из списка мест, которые необходимо посетить, — все складывалось довольно удачно. Я наконец вошла в гостиную.

Вопреки сетованиям незадачливого жениха Алисия была в самом прекрасном расположении духа и, едва я появилась на пороге, бросилась меня обнимать:

— Николетта, как ты выросла и изменилась!

— И похудела, — недовольно заметила ее мать, приветствуя меня кивком головы.

— Я слышала, ты при дворе не скучала, — лукаво сказала подруга, усаживая меня на диван.

— Алисия, никогда не повторяй чужих сплетен! — ласково оборвала ее леди Карин.

— Да, мама. — Плутовка показала мне глазами, что оставляет этот разговор на потом.

— А я смотрю, поток женихов не убывает.

— Да это просто проклятье какое-то! — бросила девушка в сердцах.

Всем бы такие проклятья, как кукольная внешность и десять тысяч ладов приданого — результатом станут предложения связать себя узами брака от каждого второго свободного мужчины округи. Я из приданого могу похвастать только вышитым под руководством няни комплектом постельного белья. Матушка до сих пор восхищается, насколько плотоядными вышли на нем розы. Еще бы! Этот комплект стоил мне десяти исколотых пальцев, а няне — седины в голове! На данном эпизоде с подготовкой моего приданого было покончено. Единогласно.

— Надеюсь, никто из моих братьев к тебе еще не сватался?

— Пока нет.

— Меня пугает это «пока».

— Николетта, скажи им, чтобы даже не помышляли, Алисия будет вынуждена отказать, — снова вмешалась леди Карин.

— Думаю, влюбленному юноше мои советы окажутся еще более безразличными, чем всем остальным. — Я решила перепрыгнуть с опасной темы на еще более скользкую и снова обратилась к подруге: — Но чем же тебе не угодили все наши женихи? Каким должен быть твой избранник?